

Овчарка был настроен решительно: «Я найду способ его уговорить. Ола скоро станет фактической правительницей Лунды, а меня она не примет. Мне некуда идти, только следовать за Се. Ты тоже мог бы замолвить за меня словечко.»

Чжэн Кэ усмехнулся: «Мечтать не вредно. А что я с этого буду иметь?»

Овчарка ухмыльнулся, словно Чжэн Кэ казался ему забавным: «Разве ты не хочешь вернуться в Макао? Я расскажу тебе секрет Чжэн Шихуа.»

Чжэн Кэ встрепенулся: «Что ещё ты знаешь?»

Овчарка покачал головой: «Адвокат твоего дяди уже доказал в суде, что твой отец составлял завещание в состоянии тяжёлого ранения, будучи в невменяемости. Поэтому оно недействительно. Твой дядя получил наследство, но он, наверное, ещё на взводе и не знает, что Хаза мёртв. Ты сбежал, и теперь он будет охотиться за тобой по всему миру.»

— Хм, ты уже это говорил. Я думал, будет что-то новенькое.

— Дослушай. Знаешь, почему Чжэн Шихуа решил действовать именно сейчас?

— Сейчас?.. Что ты имеешь в виду?

Овчарка вздохнул: «После того как ваша семья купила судоходную компанию. Ты же не забыл?»

Чжэн Кэ вовсе не вспомнил о судоходной компании: «Договаривай.»

— Ты думаешь, Чжэн Шихуа в одиночку смог бы уничтожить всю вашу семью? Знаешь, с кем он в союзе? Как вы вообще оказались в Африке? С чего бы это он вдруг занялся торговлей людьми? — Овчарка наседал. — Он сотрудничает с пиратами!

Чжэн Кэ остолбенел: «Откуда тебе знать? Такие вещи на пустом месте не говорят.»

— Чжэн Шихуа сговорился с пиратами. Те убили твою семью, а он в благодарность отдал им эксклюзивные маршруты судоходной компании. Хаза нужны были рабы, Чжэн Шихуа поставлял рабочую силу, пираты брали на себя перевозку. Добыли бриллианты — поделились. Вот что значит «всем сестрам по серьгам». — Действие наркоза ещё не прошло, и Овчарка смеялся, не в силах остановиться.

У Чжэн Кэ похолодели руки и ноги: «У тебя есть доказательства?»

— Проверь бухгалтерские книги Хаза, вещи в его спальне или спроси любого высокопоставленного члена УНИТА. Если я совру хоть в слове — можешь отрезать мне язык. — Овчарка посмотрел на него. — Я был с Хазой много лет, Чжэн Кэ. Его секретов мне известно немало. Ты думаешь, он всё делал сам? Переговоры с пиратами, приёмы для своих подлых дружков, поддержание отношений с продавцами... Кто, по-твоему, всем этим занимался?

Чжэн Кэ всё понял. Он-то думал, что Чжэн Шихуа просто везунчик, а отец слишком потворствовал младшему брату. Когда грянула беда, сожалеть было поздно. Но нет — Чжэн Шихуа подготовился основательно. Цепочка от добычи до перевозки и продажи была отлажена и работала как часы, принося ему баснословные богатства и укрепляя власть.

Теперь, добившись своего, дядя будет действовать всё наглее. Всё, что создал отец, рано или

поздно погибнет в руках этого безумца.

«Нет, я должен рассказать Цюци», — первой мыслью было это.

Овчарка не стал его останавливать. Ему и самому требовался отдых — наркоз расслаблял нервы.

Погружаясь в сон, он будто видел перед собой бескрайнее море, белые торговые суда, плывущие под радугой.

Ветер был холодным, но он чувствовал запах свободы.

Не торопитесь, ещё один человек умрёт.

Едва Ола вышла, как в комнату зашёл Ху Цяобо: «Эй».

Се Цюци был слишком измотан, чтобы разговаривать: «Что опять?»

Ху Цяобо осторожно присел рядом:

— Ничего. Просто беспокоюсь. Может, обработать раны?

Се Цюци посмотрел на него, вспоминая слова Олы. Если он навсегда потеряет Ху Цяобо, будет ли ему так же больно?

Ху Цяобо, воодушевлённый его взглядом, стал ещё заботливее: «Сяо Цю, не перегружай себя. Ты и так сделал достаточно.»

Се Цюци дрогнул: «Принеси мне воды. И йоду.»

Ху Цяобо быстро вернулся. Рука Се Цюци ужасно болела. Вчера, когда он прыгал с машины с поддельными бриллиантами, вывихнул плечо. Чтобы не обременять других, он не попросил Чжэн Кэ вызвать врача — думал, отдохнёт и пройдёт. Но сегодня боль только усилилась.

Ху Цяобо закатал ему рукав свитера. Кожа на руке посинела, распухла, стала похожа на гнилую редьку.

— Точно вывих, — мужчина аккуратно надавил, и Се Цюци вздрогнул от боли. — Почему сразу не сказал? Нужен врач.

— Врач, наверное, ещё перевязывает Овчарку, — сквозь холодный пот пробормотал Се Цюци. — Подождём.

Один — с вывихом, другой — без руки. Кто нуждался во враче больше, было очевидно.

Ху Цяобо сжалился: «Ты вечно такой. Думаешь о других, а о себе — в последнюю очередь.»

Се Цюци опустил глаза, словно боль была невыносимой.

Ху Цяобо, наконец увидев его уязвимость, не хотел упускать момент: «Внутри, наверное, уже гематома. Сделаю холодный компресс.» Он нашёл лёд, завернул в полотенце. В промозглую осеннюю погоду эта дымящаяся масса не внушала Се Цюци доверия, и Ху Цяобо принялся

уговаривать: «Как иначе снять отёк? Я тебя обниму — и не будет холодно.»

Се Цюци отказался: «В изголовье лежат обезболивающие. Принеси две.»

Лишь приняв таблетки, он согласился на компресс. Ху Цяобо, прикладывая лёд, улыбался: «Ты всё такой же, как раньше. Боишься холода — чуть похолодает, и руки-ноги ледяные. Приходилось мне их отогревать.»

Познакомились они осенью. В Чжухуае, честно говоря, весны и осени почти не бывает — только к концу ноября накатывает холодный фронт, сбивая жару. Называлось осенью, а уже зима наступала. На яхте было отопление, и даже в тонком костюме официанта Се Цюци не мёрз. Но богатым наследникам вздумалось устроить вечеринку не в салоне, а на палубе — барбекю. Официантам пришлось следовать за ними. Молодые господа и барышни, разыгравшись, холода не замечали, а вот прислуге приходилось несладко.

Се Цюци продрог, улыбка застыла на лице. Какая-то девчонка ещё подначивала, чтобы он раздеться и поплавал. Вмешался голос Ху Цяобо — отвлёл внимание, и Се Цюци наконец вздохнул свободно. Тогда он впервые и разглядел того — официанты ведь смотрят не на лица, а на одежду, часы, обувь, сумки. Одежда Ху Цяобо не бросалась в глаза, вот Се Цюци его и не заметил. «Богатый наследник» снял с себя фирменную куртку, накинул на него, дал шарф, велел на кухне сварить имбирный отвар. А Се Цюци в тот момент лишь подумал, сколько может стоить эта куртка.

Какое-то время он чувствовал себя недостойным Ху Цяобо. Слишком долго был беден — до потери достоинства, до огрубления. Дни, когда с утра до ночи в голове крутились только деньги, стали привычными. Ху Цяобо же ничего этого не знал. Они были разными.

Ху Цяобо решил его завоевать, сыпал сладкими речами. Се Цюци, неискушённый в подобных уловках, верил, что тот сделает его лучше — достойным, уважаемым, душевным.

«Но ты уже не тот, что был раньше», — бесстрастно произнёс Се Цюци.

Ху Цяобо понял, что это укол: «Да, знаю. Сяо Цю, я виноват перед тобой.»

Се Цюци вздохнул. Обезболивающее, должно быть, подействовало — боль притупилась, потянуло в сон.

— На самом деле мы похожи, Сяо Цю, — голос Ху Цяобо звучал мягко и убедительно. — Оба хлебнули лиха. Оба готовы были на всё, чтобы выбиться в люди. Признаю — мой путь был неверен. Слишком торопился, слишком жаден был. Но я тогда молод был, много ли я понимал? Ошибался. Поверь, я получил урок.

Он протянул руку, отодвинул чёлку со лба Се Цюци. Выражение его лица было знакомым — полным нежности, будто один взгляд мог перевернуть всю жизнь. Ладонь была тёплой, такой, какую Се Цюци помнил.